

С ВЕЛИКОЙ ВЕРОЙ В ЧЕЛОВЕКА

К 70-летию
Н. К. Симонова

СОВСЕМ недавно в спектакле «Тиль Уленшпигель» Николай Константинович Симонов появился на сцене в сравнительно небольшой, но бесконечно важной роли отца Тиля, прямодушного и бесстрашного трудового человека Клааса. Несколько слов, произнесенных в этой роли актером, слов правды и покоряющего душевного величия, оказалось достаточно для того, чтобы буквально наэлектризовать зрительный зал, воодушевить его высокими идеалами, которыми проникнута книга Шарля де Костера. Кто-то сказал о Симонове: актер не живет в нем, а поистине бужет. Слова, им произносимые, рвутся в зрительный зал, и кажется, ничто не может их остановить.

Так уж сложилась его жизнь в искусстве на протяжении почти полувека — из года в год он отдает своим героям силу собственного воодушевления, свое возвышенное и непоколебимое представление о человеческом, непобедимом и вечно поучительном в людях. Нет среди его героев людей незначительных или бесцветных, интерес к которым не окупался бы в каждом случае нравственной, духовной щедростью актера. Уметь отдавать себя своим героям — это тоже талант и притом талант необычайно редкий, вызывающий особенный зрительский отклик.

Его творческое происхождение в некотором смысле исключительно.

Он формировался как актер на самой заре нашей социалистической культуры, и ему суждено было начать свою жизнь в театре одновременно с новым героем, человеком революции, ее выучеником и сыном. Героя этого привела на сценические подмостки новая драматургия, которая требовательно и придирчиво относилась к актерам, призванным воплощать ее образы на сцене. Для того, чтобы зрители поверили в нового героя, актеры должны были пропустить его «через свое сердце». Им предстояло в каждом отдельном случае не только подвергнуть трудному испытанию свое мастерство, но и стать первопроходцами во внутреннем мире людей революции. Одним из таких первопроходцев был Симонов.

Ответственность, которая на него легла, возростала от того, что он пришел в театр, который носит ныне имя А. С. Пушкина, в пору, когда еще выступали на его подмостках многие замечательные мастера.

НАЧИНАЯ свою артистическую жизнь в академическом театре, Симонов на протяжении пяти-шести лет — как раз тех лет, когда начинала свою большую историю советская драматургия, — создал целую галерею образов, каждый из которых был в определенной сфере жизни открытием: первым в театральном воплощении большевиком — строителем социалистической деревни (Павел Суслов из «Вириней») или первым на сцене дальневосточным партизаном (Никита Вершинин из «Бронепоезда 14-69»). Пройдут годы, и на сцене и на экране станет появляться великое множество организаторов социалистического производства, директоров заводов, хозяйственников. В одной из картин недавних сравнительно лет, в «Рабочем поселке», прекрасно сыграет Симонов роль директора Сотникова. Глядя на Симонова — Сотникова, я не мог не вспомнить о том, что за тридцать лет до этой работы пришлось Симонову предпринять одну из самых первых попыток создания на сцене фигуры советского хозяйственника Айвазова из пьесы Ю. Либединского «Высоты».

Многие из работ молодого и зрелого Симонова перекликаются друг с другом, и это естественно, потому что необыкновенно цельной внутренней жизнью живет он в искусстве. Всю ее пронизывает нестихающий, беспокойный и великодушный интерес к людям, к их нравственному становлению, к их готовности и умению отстоять в трудных делах и в самых драматических обстоятельствах свою правду и свое достоинство. Это не значит, что перекликающиеся герои Симонова в прямом смысле слова сходны каждый с каждым, но это означает, что поставленные рядом друг с другом, они как бы создают единую и цельную картину нашего исторического развития. Вот еще один пример такого рода.

Почти четверть века назад Симонов великолепно сыграл роль генерала Муравьева из пьесы Б. Чиркова «Победители». Воплощением полководческого таланта, творческой страстности, большевистской убежденности предстал в спектакле Театра имени А. С. Пушкина симоновский Муравьев, один из генералов, сокрушивших в Отечественной войне жестокого и сильного врага. Но кто знает, смог ли бы актер создать на театральных подмостках образ человека такой ясной и мудрой жизненной силы, если бы за двадцать лет до Муравьева не сыграл Симонов в пьесе Б. Ромашова роль улыбчивого, бывалого, полного жизненного задора комкора Мехоношева. Мехоношев Симонова был ослепительно молод, но

относительно не только по годам. Молод он был неотразимой молодостью своей страны и своего народа, своих убеждений и своей веры в будущее. Это удивительное ощущение молодости перейдет впоследствии от Мехоношева к председателю исполкома Павлу Бересту из пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» и не раз еще вспыхнет веселым светом, теперь уже по закону контраста, в зрелых и встретившихся с серьезными жизненными испытаниями героях «Персонального дела» или «Сонета Петрарки».

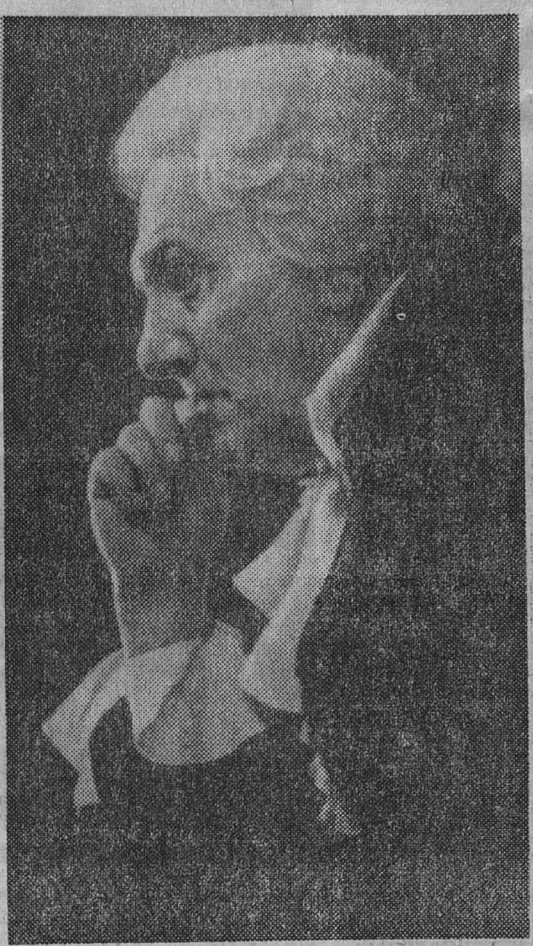
ТРУДНО, пожалуй, назвать актера, в творческой биографии которого отразились бы с такой отчетливостью самые разные периоды нашего исторического развития и который вместе с тем на самых разных этапах своей биографии не оставался бы в такой степени самим собой, Симоновым, и никем больше. Я не могу назвать ни одной роли Симонова из числа тех, что были сыграны им в молодости — будь это Братишка из «Штиля» или искалеченный в гражданской войне Семен из «Ярости», или Казанок из «Шахтеров», — которая не оставила бы следа в его актерской жизни и не стала бы для него школой человековедения.

На его долю выпало создание выдающегося по своей масштабности и пластической законченности образа Петра в двухсерийном фильме Владимира Петрова «Петр I», и самым поразительным в этой работе актера была ее окрыленность и поэтическая приподнятость. В сыгранном Симоновым Петре жизненная достоверность сочеталась с глубиной исторического обобщения, правда характера с правдой самой истории. Петр на поле боя, Петр — судья над собственным сыном или Петр-строитель были неразделимы в образе, созданном Симоновым, и именно благодаря этой неразделимости он вызывал безоговорочное зрительское доверие. Здесь было достигнуто самое трудное: могучий талант актера превращал явившуюся к нам из исторического далека фигуру в неопровержимую реальность.

В постановках пушкинского «Бориса Годунова», осуществленных на академической сцене сначала Б. Суховиным, а затем А. Вивьеном, Симонов создал трагический образ Бориса, в котором противоборствовали величие большого государственного деятеля и его человеческое одиночество, мудрость и слепота, мужество и бессилие. Стремление к динамическим, сложным, противоречивым характеристикам не один раз даст о себе знать в воплощенных им образах русской классической литературы — Лаевского из чеховской «Дуэли», или Лаврецкого из «Дворянского гнезда», или Астрова из «Дяди Вани», или Флягина из телевизионного фильма «Очарованный странник». Во всех этих ролях Симонов поднимается во весь рост, как актер-гуманист, испытывающий в своем творчестве вечно острую и нестихающую боль за человека — неустоенно, духовно беспритупленного, искореняемого собственническим строем.

В этом смысле одним из высших творческих достижений Симонова должно быть признано исполнение им роли Федора Протасова в драме Л. Толстого «Живой труп». Роль Протасова — трудная роль не только потому, что она ставит перед исполнителем особые сложности, но и потому, что в ней добивались огромного успеха самые разные актеры — великий мхатовец Москвин и прославленный немецкий трагик Сандро Моисси, И. Н. Певцов и М. Ф. Романов. Поистине можно сказать, что внутреннее содержание этой роли безгранично, и именно поэтому на каждого нового ее исполнителя ложится такая большая творческая ответственность. Бремя этой ответственности Симонов выдержал с честью.

Симоновский Протасов проживает в «Живом трупе» не только свою тяжкую драму; он живет как бы жизнью многих, и эти многие вызывают в нем такое жгучее понимание и сочувствие, такое великодушное сострадание, которые во много раз превосходят его боль за свою собственную непоправимо сломанную жизнь. Его полный нервного трепета и душевного подъема голос, его жесты, в которых смешались застенчивая неуверенность и внутреннее изящество, все это перестает принадлежать одному только Протасову и становится достоянием многих, подобных ему. Актер как бы показывает нам всех, кто топчется за спиной Протасова и разделяет с ним его горькую участь. Симоновский

Протасов необыкновенно добр и, вероятно, именно поэтому так страшны его гнев и уличающее презрение, его ошеломляющее прямодушие и бескомпромиссность.

КОГДА об актере говорится, что он гуманист, это звучит слишком общо и, пожалуй, даже бесприметно. Ведь в силу самой своей профессии актер не может не быть гуманистом. Он, естественно, остается им и тогда, когда берет человека под свою защиту, и тогда, когда уличает его в слабости или вероломстве, низости или измене своему нравственному долгу. Именно таков многогранный и мужественный гуманизм Симонова — Протасова. Он читается на лице его, в негромких, но полных необыкновенной убежденности интонациях или, напротив, в его неожиданной и щемящей иронии, в которой столько душевной прозорливости и готовности видеть вещи в их настоящем, неприкрашенном виде. В самом одухотворенном симоновском голосе утверждается непобедимая правда человека, верного своему нравственному идеалу и самому себе.

Принято считать, что у каждого большого актера есть своя, как говорится, творческая тема, которая как бы цементирует его артистическую биографию, придает ей некую неопровержимую и высокую цельность. Понятие это, разумеется, в высшей степени условно. Во всяком случае, если такая творческая тема и существует, то заявляет она о себе в судьбе каждого актера по-своему. В творчестве Николая Симонова немислимы друг без друга взволнованная патетика и застенчивое, простодушное человеческое чувство, непобедимое достоинство и детская, трогательная беззащитность. Любимый герой актера духовно богат, одарен талантом жизни и мечты, бесценным даром человечности.

Печать этой человечности лежит на всех его героях.

Во власти глубокого, непоправимого и трагического заблуждения оказывается его Сальери, и самое страшное в этом заблуждении заключается в том, что это заблуждение человека, бесконечно преданного искусству и способного, как быть может никто другой, любить. Тревожная и надменная неукротимость человеческого духа приводит его к преступлению, вся безмерная тяжесть которого обрушивается на него самого. Одним из замечательных созданий актера стала роль Маттиаса Клаузена из драмы Г. Гауптмана «Перед заходом солнца». Нравственный взрыв, происходящий в душе Клаузена, гнев и возмущение, вызванные в нем предательством детей, — в воплощении Симонова это тоже одно из высших проявлений человечности.

Жизнь загнала его Сатина в темный костылевский подвал, но под ударами, нанесенными ему жестоким собственническим миром, он становится еще более страстным и вдохновенным человеколюбом. Великой верой в человека, в его право и долг подниматься над превратностями жизни, защищать свой идеал и бороться за него встречает наш замечательный актер большой рубеж своей жизни и своего творчества. С этой верой и с этим убеждением идет он навстречу своим новым, завтрашним героям.

С. ЦИМБАЛ

На снимке: Н. Симонов в спектакле «Моцарт и Сальери». Фото В. Никитина

С ВЕЛИКОЙ ВЕРОЙ В ЧЕЛОВЕКА

К 70-летию
Н. К. Симонова

СОВСЕМ недавно в спектакле «Тиль Уленшпигель» Николай Константинович Симонов появился на сцене в сравнительно небольшой, но бесконечно важной роли отца Тили, прямодушного и бесстрашного трудового человека Клааса. Несколько слов, произнесенных в этой роли актером, слов правды и покоряющего душевного величия, оказалось достаточно для того, чтобы буквально наэлектризовать зрительный зал, воодушевить его высокими идеалами, которыми проникнута книга Шарля де Костера. Кто-то сказал о Симонове: актер не живет в нем, а поистине бушует. Слова, им произносимые, рвутся в зрительный зал, и кажется, ничто не может их остановить.

Так уж сложилась его жизнь в искусстве на протяжении почти полувека — из года в год он отдает своим героям силу собственного воодушевления, свое возвышенное и непоколебимое представление о человеческом, непобедимом и вечно поучительном в людях. Нет среди его героев людей незначительных или бесцветных, интерес к которым не окупался бы в каждом случае нравственной, духовной щедростью актера. Уметь отдавать себя своим героям — это тоже талант и притом талант необычайно редкий, вызывающий особенный зрительский отклик.

Его творческое происхождение в некотором смысле исключительно.

Он формировался как актер на самой заре нашей социалистической культуры, и ему суждено было начать свою жизнь в театре одновременно с новым героем, человеком революции, ее выучеником и сыном. Героя этого привела на сценные подмостки новая драматургия, которая требовала и придирчиво относилась к актерам, призванным воплощать ее образы на сцене. Для того, чтобы зрители поверили в нового героя, актеры должны были пропустить его «через свое сердце». Им предстояло в каждом отдельном случае не только подвергнуть трудному испытанию свое мастерство, но и стать первопроходцами во внутреннем мире людей революции. Одним из таких первопроходцев был Симонов.

Ответственность, которая на него легла, возрастала от того, что он пришел в театр, который носит ныне имя А. С. Пушкина, в пору, когда еще выступали на его подмостках многие замечательные мастера.

НАЧИНАЯ свою артистическую жизнь в академическом театре, Симонов на протяжении пяти-шести лет — как раз тех лет, когда начинала свою большую историю советская драматургия, — создал целую галерею образов, каждый из которых был в определенной сфере жизни открытием: первым в театральном воплощении большевиком — строителем социалистической деревни (Павел Суслов из «Виринеи») или первым на сцене дальневосточным партизаном (Никита Вершинин из «Бронепоезда 14-69»). Пройдут годы, и на сцене и на экране станет появляться великое множество организаторов социалистического производства, директоров заводов, хозяйственников. В одной из картин недавних сравнительно лет, в «Рабочем поселке», прекрасно сыграл Симонов роль директора Сотникова. Глядя на Симонова — Сотникова, я не мог не вспомнить о том, что за тридцать лет до этой работы пришлось Симонову предпринять одну из самых первых попыток создания на сцене фигуры советского хозяйственника Айвазова из пьесы Ю. Либединского «Высоты».

Многие из работ молодого и зрелого Симонова перекликаются друг с другом, и это естественно, потому что необыкновенно цельной внутренней жизнью живет он в искусстве. Всю ее пронизывает нестихающий, беспокойный и великодушный интерес к людям, к их нравственному становлению, к их готовности и умению отстоять в трудных делах и в самых драматических обстоятельствах свою правду и свое достоинство. Это не значит, что перекликающиеся герои Симонова в прямом смысле слова сходны каждый с каждым, но это означает, что поставленные рядом друг с другом, они как бы создают единую и цельную картину нашего исторического развития. Вот еще один пример такого рода.

Почти четверть века назад Симонов великолепно сыграл роль генерала Муравьева из пьесы Б. Чиркова «Победители». Воплощением полководческого таланта, творческой страстности, большевистской убежденности предстал в спектакле Театра имени А. С. Пушкина симоновский Муравьев, один из генералов, сокрушивших в Отечественной войне жестокого и сильного врага. Но кто знает, смог ли бы актер создать на театральных подмостках образ человека такой ясной и мудрой жизненной силы, если бы за двадцать лет до Муравьева не сыграл Симонов в пьесе Б. Ромашова роль улыбчивого, бывшего, полного жизненного задора комкора Мехоношева. Мехоношев Симонова был ослепительно молод, но

относительно не только по годам. Молод он был неотразимой молодостью своей страны и своего народа, своих убеждений и своей веры в будущее. Это удивительное ощущение молодости перейдет впоследствии от Мехоношева к председателю исполкома Павлу Бересту из пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» и не раз еще вспыхнет веселым светом, теперь уже по закону контраста, в зрелых и встретившихся с серьезными жизненными испытаниями героях «Персонального дела» или «Сонета Петрарки».

ТРУДНО, пожалуй, назвать актера, в творческой биографии которого отразились бы с такой отчетливостью самые разные периоды нашего исторического развития и который вместе с тем на самых разных этапах своей биографии не оставался бы в такой степени самим собой, Симоновым, и никем больше. Я не могу назвать ни одной роли Симонова из числа тех, что были сыграны им в молодости — будь это Братишка из «Штиля» или искалеченный в гражданской войне Семен из «Ярости», или Казанок из «Шахтеров», — которая не оставила бы следа в его актерской жизни и не стала бы для него школой человековедения.

На его долю выпало создание выдающегося по своей масштабности и пластической законченности образа Петра в двухсерийном фильме Владимира Петрова «Петр I», и самым поразительным в этой работе актера была ее окрыленность и поэтическая приподнятость. В сыгранном Симоновым Петре жизненная достоверность сочеталась с глубиной исторического обобщения, правда характера с правдой самой истории. Петр на поле боя, Петр — судья над собственным сыном или Петр-строитель были неразделимы в образе, созданном Симоновым, и именно благодаря этой неразделимости он вызывал безоговорочное зрительское доверие. Здесь было достигнуто самое трудное: могучий талант актера превращал явившуюся к нам из исторического далека фигуру в неопровержимую реальность.

В постановках пушкинского «Бориса Годунова», осуществленных на академической сцене сначала Б. Суховиным, а затем А. Вивьеном, Симонов создал трагический образ Бориса, в котором противоборствовали величие большого государственного деятеля и его человеческое одиночество, мудрость и слепота, мужество и бессилие. Стремление к динамическим, сложным, противоречивым характеристикам не один раз даст о себе знать в воплощенных им образах русской классической литературы — Лаевского из чеховской «Дуэли», или Лаврецкого из «Дворянского гнезда», или Астрова из «Дяди Вани», или Флягина из телевизионного фильма «Очарованный странник». Во всех этих ролях Симонов поднимается во весь рост, как актер-гуманист, испытывающий в своем творчестве вечно острую и нестихающую боль за человека — неустроенного, духовно бесприютного, искореняемого собственническим строем.

В этом смысле одним из высших творческих достижений Симонова должно быть признано исполнение им роли Федора Протасова в драме Л. Толстого «Живой труп». Роль Протасова — трудная роль не только потому, что она ставит перед исполнителем особые сложности, но и потому, что в ней добивались огромного успеха самые разные актеры — великий мхатовец Москвин и прославленный немецкий трагик Сандро Мониси, И. Н. Певцов и М. Ф. Романов. Поистине можно сказать, что внутреннее содержание этой роли безгранично, и именно поэтому на каждого нового ее исполнителя ложится такая большая творческая ответственность. Бремя этой ответственности Симонов выдержал с честью.

Симоновский Протасов проживает в «Живом трупе» не только свою тяжкую драму; он живет как бы жизнью многих, и эти многие вызывают в нем такое жгучее понимание и сочувствие, такое великодушное сострадание, которые во много раз превосходят его боль за свою собственную несправедливо сломанную жизнь. Его полный нервного трепета и душевного подъема голос, его жесты, в которых смешались застенчивая неуклюжесть и внутреннее изыщество, все это перестает принадлежать одному только Протасову и становится достоянием многих, подобных ему. Актер как бы показывает нам всех, кто толпится за спиной Протасова и разделяет с ним его горькую участь. Симоновский

Протасов необыкновенно добр и, вероятно, именно поэтому так страшны его гнев и уличающее презрение, его ошеломляющее прямодушие и бескомпромиссность.

КОГДА об актере говорится, что он гуманист, это звучит слишком общо и, пожалуй, даже беспредметно. Ведь в силу самой своей профессии актер не может не быть гуманистом. Он, естественно, остается им и тогда, когда берет человека под свою защиту, и тогда, когда уличает его в слабости или вероломстве, низости или измене своему нравственному долгу. Именно таков многогранный и мужественный гуманизм Симонова — Протасова. Он читается на лице его, в негромких, но полных необыкновенной убежденности интонациях или, напротив, в его неожиданной и шемящей иронии, в которой столько душевной прозорливости и готовности видеть вещи в их настоящем, неприкрашенном виде. В самом одухотворенном симоновском голосе утверждается непобедимая правда человека, верного своему нравственному идеалу и самому себе.

Принято считать, что у каждого большого актера есть своя, как говорится, творческая тема, которая как бы цементирует его артистическую биографию, придает ей некую неопровержимую и высокую цельность. Понятие это, разумеется, в высшей степени условно. Во всяком случае, если такая творческая тема и существует, то заявляет она о себе в судьбе каждого актера по-своему. В творчестве Николая Симонова немислямы друг без друга взволнованная патетика и застенчивое, простодушное человеческое чувство, непобедимое достоинство и детская, трогательная беззащитность. Любимый герой актера духовно богат, одарен талантом жизни и мечты, бесценным даром человечности.

Печать этой человечности лежит на всех его героях.

Во власти глубокого, неоправданного и трагического заблуждения оказывается его Сальери, и самое страшное в этом заблуждении заключается в том, что это заблуждение человека, бесконечно преданного искусству и способного, как быть может никто другой, любить. Тревожная и надменная неукротимость человеческого духа приводит его к преступлению, вся безмерная тяжесть которого обрушивается на него самого. Одним из замечательных созданий актера стала роль Маттиаса Клаузена из драмы Г. Гауптмана «Перед заходом солнца». Нравственный взрыв, происходящий в душе Клаузена, гнев и возмущение, вызванные в нем предательством детей, — в воплощении Симонова это тоже одно из высших проявлений человечности.

Жизнь загнала его Сатина в темный костылевский подвал, но под ударами, нанесенными ему жестоким собственническим миром, он становится еще более страстным и вдохновенным человеколюбом. Великой верой в человека, в его право и долг подниматься над превратностями жизни, защищать свой идеал и бороться за него встречает наш замечательный актер большой рубеж своей жизни и своего творчества. С этой верой и с этим убеждением идет он навстречу своим новым, завтрашним героям.

С. ЦИМБАЛ

На снимке: Н. СИМОНОВ в спектакле «Моцарт и Сальери».
Фото В. Никитина